

Публикация Ирины Роскиной

Анна Ахматова в письмах Н.А. Роскиной Е.И. Рабиновичу

Ниже публикуются фрагменты из писем Н.А. Роскиной, содержащие упоминания об Анне Андреевне Ахматовой.

В конце 1950-х гг. моя мама – литератор Наталья Александровна Роскина (1927-1989) – возобновила семейную дружбу с давно находившимся в эмиграции двоюродным братом своей матери Евгением Исааковичем Рабиновичем (1898-1973). Евгений Исаакович был не просто известный ученый, биохимик, специалист по фотосинтезу, но, как и помнилось маме по рассказам родственников, человек литературно одаренный, образованный, интеллектуальный и поэтический. Когда Евгений Исаакович приехал в Москву, мама познакомила его с А.А. Ахматовой. Она пишет об этом в своих воспоминаниях об Ахматовой: «...кажется, начала эту серию [в смысле: серию иностранцев - ИР] я, приведя в ардовскую квартиру на Ордынке своего дядю - американского профессора биофизики и биохимии Юджина Рабиновича, приехавшего в 1960 году. Он всю жизнь преклонялся перед Ахматовой и мечтал с ней познакомиться. Он рассказал Анне Андреевне, что в эмиграции, в тридцатых годах, когда казалось, что все уже кончено и никакой голос уже не будет услышан ни там, ни тут, он с друзьями по памяти, от руки составил "манускрипт" - полное собрание стихов Ахматовой. Она была глубоко растрогана».¹

¹ См. воспоминания Н.А. Роскиной
https://vtoraya-literatura.com/pdf/roskina_chetyre_glavy_1980_text.pdf

Евгений Исаакович был очарован Ахматовой. В течение дальнейшей переписки с Евгением Исааковичем мама старалась сообщать ему новости об Анне Андреевне, посылать ее новые стихи.

Евгений Исаакович, много в жизни повидавший, заново оказался в той редкостной атмосфере, где стихи – свои или чужие, были для людей главным. И ему тоже захотелось жить в этом накале поэзии. Он вспомнил свои стихи, написанные в молодости, и новые стихи стал писать, и к стихотворным переводам вернулся, и выпустил за свой счет в Париже сборничек «Современник». И очень, естественно, дорожил мнением Ахматовой о своих стихах. Забавно, что при всем уважении к ней Евгений Исаакович почти совсем не воспользовался замечаниями Ахматовой по поводу своих стихов, почти ничего не изменил при публикации. Но мы не задаемся сейчас вопросом о праве автора на собственное мнение. Нам в данном случае важнее понять, что имела в виду Ахматова, что именно ей нравилось, а что она считала нужным переделать². Предлагаем читателю возможность разобраться в этом, приводя в комментариях полный текст обсуждаемых в письмах стихотворений, которые цитируются по книге Евгения Раича (псевдоним Евгения Исааковича Рабиновича) «Современник» (Париж - Рифма, 1965).

21 марта 1960

«Поэму без героя» я знаю: у меня даже есть автограф, подаренный автором³. У нас, действительно, печатались [только] отрывки; однако почему это так – легко понять. Весь строй этой вещи чужд читателю, воспитанному на поэзии Маяковского, даже вернее не Маяковского, а скажем, Твардовского. Ахматову я

² Слова Ахматовой приводятся в тексте письма от 20 января 1964 года – запись разговора о стихах Е.И. Рабиновича - без кавычек и печатаются здесь так же.

³ Этот экземпляр находится теперь в РГАЛИ в фонде Н.А. Роскиной (Ф. 3120).

очень люблю и лично хорошо с ней знакома: когда она гостит в Москве, я постоянно у нее бываю. Познакомились мы с ней в 1944 году, мне было 16 лет и я пришла с ней со своими стихами⁴. Она похвалила, и зря, стихи очень плохие. Теперь я пишу только прозу⁵ и, как мне кажется (и ей тоже⁶), именно это мне и следует делать, но я все же пишу очень мало и по многим причинам вряд ли смогу профессионализироваться как прозаик.

24 апреля 1960

Сегодня утром Ахматова приехала в Москву: завтра я, вероятно, буду у нее и расскажу ей о Вашем письме, думаю, что ей будет чрезвычайно приятно - хоть она и знает себе цену, а все же подтверждение каждый раз радует.

10 января 1961

Один-единственный раз за все время проглянуло солнышко; Ахматова позвонила мне и попросила повести ее погулять. Я рассказала ей, что отдала тебе все ее портреты, и она, пожалев меня, отдала мне фото с портрета Тырсы (1927 года)⁷, оно без надписи лично мне, на нем просто ее автограф, так что оно будет также отдано тебе, ведь я могу часто видеть оригинал.

[...]

Если у тебя как-нибудь будет время и охота, то напиши мне, пожалуйста английский текст «смуглого отрока»⁸, потом стихотворение, которое понравилось

⁴ См. воспоминания Н.А. Роскиной
https://vtoraya-literatura.com/pdf/roskina_chetyre_glavy_1980_text.pdf

⁵ См. повесть «Детство и любовь» (журнал «Звезда», 2015, №6).

⁶ Хотя отзыв Ахматовой о маминной повести упоминается в предисловии к публикации в журнале «Звезда», процитирую его и здесь: «А. А. Ахматова, прочитавшая повесть осенью 1957 г., отозвалась о ней так: «Очень современно, очень смело, очень просто, очень трагично и очень благородно. Ежовский Ленинград. Мы, взрослые, знали, а вот что дети пережили — это впервые». Ахматова сказала, что «в литературе были дети XIX века, и что долго еще в XX веке подражали детству XIX-го, и в этом смысле ей кажется, что это очень оригинальная вещь» (запись разговора, сделанная тогда же Н. А. Роскиной, хранится в РГАЛИ (Ф. 3120))».

⁷ В 1927 г. Н.А. Тырса сделала два портрета Ахматовой – не помню, фотография с какого портрета была подарена маме.

⁸ Речь идет о стихотворении Ахматовой «Смуглый отрок бродил по аллеям» (1911), переведенном Е.И. Рабиновичем на английский язык.

Ахматовой («я стал богаче или бедней...»)⁹, и еще одно стихотворение, которое ты, помнишь, читал мне (даже два раза)¹⁰.

⁹ Имеется в виду стихотворение Е.И. Рабиновича, посвященное С.Ю. Прегель.

Я помню пышные чертоги,
Туман полуночных морей,
В столице гнева и тревоги
Дворцы развенчанных царей;

Но петербургские туманы,
Как мокрый плащ, стряхнувши с плеч,
Я слышал солнечной Тосканы
Как пенье сладостную речь;

Всходил на снеговые горы,
И между яблонных садов
Я видел башни и соборы
Немецких вольных городов;

Антверпен с гаванью весёлой,
С широкой пристанью, куда
Приходит поступью тяжелой
Заокеанские суда;

В садах застывшего Версаля
Я помню полумрак аллея,
И зеркала, что отражали
Бунтовщиков и королей.

Где родина моя? На свете
Лишь к переменам я привык,
И Данте, Пушкин или Гете
Равно приходят на язык.

И я умру, не понимая,
Богаче я или бедней
Того, кто жил, не покидая
Убогой улицы своей.

¹⁰ Должно быть, стихотворение «Я прошел по многим странам»:

Я прошёл по многим странам,
За годами шли года,
И вставали за туманом
Мне чужие города.

Проходил с своей котомкой,
Глядя в окна на уют
Низких комнат,
Где потомки жизнью прадедов живут.

За оградой башен гулких
Был как замок каждый дом;
Пахло в узких переулках
Свежим хлебом и вином.

Вечеру под свод трактирный
Я входил как блудный сын,

9 февраля 1961 (в автографе ошибочно 1960)

Ахматова очень похвалила твой перевод¹¹, она сказала, что он удивительно близок к подлиннику. Я заметила, что она была огорчена, что ты не прислал ей подлинник, ведь ты, по-моему, ей обещал? И потом ты не написал перевод «Смуглого отрока». Анна Андреевна на днях уехала в Ленинград, но может быть скоро опять приедет. Мне без нее тут грустно. А у меня состоялось новое знакомство, я познакомилась с вдовой Мандельштама. Вернее, я была знакома с ней и раньше, она очень дружит с Анной Андреевной, но теперь мы как-то сошлись. Началось с того, что она попросила у меня одну книжку почитать (она мечтает, чтобы я ей подарила, но это выше моих сил? может быть, можно будет достать второй экземпляр?)¹² Она живет под Москвой, за Серпуховым, в очень живописном городке Тарусе (где провел свое последнее лето Заболоцкий, помнишь:

Ох как плохо жить в Тарусе

Девочке Марусе)¹³,

там же живет всегда Паустовский¹⁴ и дочка Цветаевой Аля¹⁵. Она приглашает меня поехать туда к ней на несколько дней. Может быть, я поеду, и

Что под кров родной и мирный
Возвращается один.

У людей жена и дети,
Как спокойны их глаза.
Раскачай же сосны, ветер,
Заглуши тоску, гроза!

¹¹ Думаю, что речь идет о переводе «Фауста» Гете.

¹² Из-за боязни последствий перлюстрации книга не называется – это был первый выпуск альманаха «Воздушные пути» (редактор Р.Н. Гринберг, Нью-Йорк, 1960), который Евгений Исаакович привез (естественно, не афишируя этого) в подарок Н.А. Роскиной, приехав на Пагуошскую конференцию в Москву в конце ноября-начале декабря 1960 г. В наше время альманах можно свободно прочесть целиком на https://vtoraya-literatura.com/pdf/vozdushnye_puti_1_1960_text.pdf

Н.Я. Мандельштам упоминается и в письме Н.А. Роскиной Е.И. Рабиновичу от 3 сентября 1961 г.: «Сегодня воскресенье, я выходная. Ко мне придет в гости Надежда Яковлевна Мандельштам. Она очень возмущена публикацией 57 стихотворений: говорит, что все бог знает как перевернуто, конец одного стихотворения приплетен к началу другого, несусветные опечатки и т.д.». – Имеется в виду публикация *Мандельштам, О.Э. 57 стихотворений* - Воздушные пути: альманах. 1961. II. – Нью-Йорк: редактор-издатель Р.Н. Гринберг, 1961.

¹³ Стихотворение Н.А. Заболоцкого «Городок»: «Целый день стирает прачка...»

тогда, представляешь себе, как мы там будем завывать стихи. Ее зовут Надежда Яковлевна, по специальности она лингвист, и много лет заведовала кафедрой истории английского языка в одном провинциальном институте. Мне с ней очень интересно.

15 мая 1961

Я достала для тебя новую книжечку Ахматовой¹⁶: это довольно большой сборник из ранних, и новых стихов. Не посылаю ее, т.к. Ахматова недели через две должна приехать в Москву, и я попрошу ее сделать автограф. Да может быть ты сам еще ее повидашь тут - я, правда, не знаю, как долго она собирается пробыть в Москве.

22 июня 1961

Приехала Ахматова - я еще ее не видела, на днях увижу. Она наверное доживет до твоего приезда, а если нет, мы в Ленинграде ее увидим¹⁷. Не забудь, пожалуйста, узнать, кто писал музыку к поэме¹⁸.

30 июня 1961

Тебе кланяется Анна Андреевна, на которую ты произвел почти такое же сильное впечатление, как и на меня.

10 ноября 1961

Анна Андреевна хворает, лежит в Гаванской больнице¹⁹: видимо, был инфаркт, во всяком случае микроинфаркт. Ужасно жаль ее, сколько ей приходится страдать.

¹⁴ О знакомстве с писателем К.П. Паустовским в самом начале 1930-х гг., когда Паустовский и А.И. Роскин проводили лето у Р. И. Фраермана в Солочке, см. в переписке Наташи с отцом <https://independent.academia.edu/IrinaRoskin>, позже знакомство возобновилось в мае 1953 г. в Коктебеле.

¹⁵ Позже Ариадна (Аля) Сергеевна Эфрон (1912-1975) стала нашей соседкой по писательскому кооперативу около метро Аэропорт в Москве, но знакомство с ней осталось поверхностным.

¹⁶ Анна Ахматова. Стихотворения. 1909—1960. М. 1961.

¹⁷ Точная дата этой встречи неизвестна. Е.А. Рабинович и Н.А. Роскина приехали в Ленинград утром 4 августа и пробыли до вечера 8 августа.

¹⁸ Не знаю, о чем шла речь.

1 января 1962

Ахматова только что выписалась из больницы: у нее был инфаркт. Все это происходит в Ленинграде, так что я знаю историю ее болезни только в общих чертах. Как мне хочется, чтоб она жила еще очень, очень долго!

9 июля 1962

Пока меня не было в Москве, пришло письмо от Ахматовой, что она здесь и хочет меня видеть. Ира позвонила, что меня нет, а когда я вернулась, она, к сожалению, уже уехала в Ленинград.

Не грех бы ради нее даже специально съездить в Ленинград, не так уж это и сложно, но... все-таки сложно.

5 ноября 1962

Пока посылаю стихи Ахматовой²⁰. Может быть, скоро у нее выйдет книжка²¹. Завтра, кстати, иду к ней в гости.²²

19 ноября 1962

¹⁹ Известно, что в Гаванской больнице «после инфаркта, побывав в гостях у смерти, Ахматова все время возвращалась мыслями к недавно вышедшему второму выпуску нью-йоркского альманаха *Воздушные пути*, взявшего свой титул из повести Пастернака..»

Источник: <http://ahmatova.niv.ru/ahmatova/kritika/timenchik-rozhdenie-stiha-iz-duha-prozy.htm>.
Выражение «Воздушные пути» упоминается в написанном в ноябре 1961 г. в больнице стихотворении «Нас четверо (Комаровские наброски)»: «Чудится мне на воздушных путях // Двух голосов перекличка».

Как приятно мне думать, что первый увиденный Ахматовой экземпляр альманаха попал к ней благодаря моей маме, познакомившей ее с Евгением Исааковичем Рабиновичем. Насколько я знаю, Евгений Исаакович подарил Ахматовой этот – второй – выпуск, приехав с моей мамой в Комарово в первых днях августа 1961 г. Взамен этого экземпляра редактор альманаха Роман Гринберг, которого очень интересовали подробности встречи Евгения Исааковича с Ахматовой (возможно, в архиве Р. Гринберга сохранилось письмо от Евгения Исааковича с описанием встречи?), выслал Евгению Исааковичу другой экземпляр.

²⁰ Вырезка из газеты «Литература и жизнь» от 26 октября, где была напечатана подборка стихов: «Из цикла “Шиповник цветет”».

²¹ См. в Записных книжках Ахматовой, с. 257: «Сейчас <...> позвонила Галя Корнилова, рассказала про “Литературную газету” и просила принять редактора “Советского писателя” на предмет нового небольшого сборника. Его зовут Фогельсон...» — ЗК. С. 257.

Источник: <http://ahmatova.niv.ru/ahmatova/about/chernyh-letopis-zhizni/1962.htm>

²² См. в Записных книжках Ахматовой, с. 257: «2 ч. - Наташа Роскина. 5 ч. - Томашевский. 8 - сейчас Виленкин и Надя. Потом Самойлов с польской дамой (Галчинской)». — ЗК. С. 260.

Источник: <http://ahmatova.niv.ru/ahmatova/about/chernyh-letopis-zhizni/1962.htm>

Ахматова тебе очень кланяется и весьма одобряет, что ты занимаешься собиранием своих стихов²³. Говорит, что они ей очень запомнились. Зимой она долго хворала, лежала в больнице в Гавани - из окна было видно море. У нее был третий инфаркт. Говорит, что все в больнице удивлялись ее мягкому характеру, а сиделка, которая расчесывала ей волосы, сказала: «Буфетная Анюта говорит, что ты хорошо стихи пишешь»²⁴. Все это она просила тебе рассказать. Сейчас она чувствует себя хорошо, по-прежнему поражает ярким интересом ко всем новостям жизни, литературы, всего. Скоро уедет назад в Ленинград. В будущем году у нее должна выйти книга. Недавно в журнале «Звезда»²⁵ было опубликовано ее стихотворение «Мелхола» (третье в «Из книги Бытия»). Я этого не знала, - она огорчалась, что у нее нет экземпляра тебе послать. Бог даст, может, увидите еще с нею. Я ей рассказывала, как ты мне звонил из Цюриха, она сказала: «Душенька он!» Пальто²⁶ тоже одобрила.

17 декабря 1962

Анна Андреевна придумала послать тебе такой подарок: запись ее голоса (чтение стихов) на магнитофонной ленте. Я не знаю, есть ли у тебя магнитофон, но если нет, всегда можно у кого-нибудь прослушать. По-моему, это чудная мысль, надеюсь, что она ее осуществит²⁷.

31 января 1963

Посылаю тебе вырезку об Ахматовой из «Литературной России»²⁸. [...] В статье об Ахматовой интересно главным образом кусочек ее прозы (цитаты).

²³ Евгений Исаакович начал подготовку сборника своих стихов, вышедшего в 1965 г. в изд-ве Рифма в Париже.

²⁴ В мемуарах Н.А. Роскиной Анюта названа Нюрой: «"Нюра-буфетчица говорит, что ты хорошие стихи пишешь". Источник: <http://ahmatova.niv.ru/ahmatova/vospominaniya/roskina-kak-budto-proschayus-snova.htm>

²⁵ «Звезда», №7, 1962.

²⁶ Подарок Евгения Исааковича.

²⁷ См. письмо от 15 февраля 1963.

²⁸ Видимо, ошибка в дате письма, или письмо было продолжено на следующий день, так как статья Льва Озерова «Тайны ремесла» появилась в еженедельнике «Литературная Россия» №5 от 1 февраля 1963 г. (Или подписчики получали номер накануне?)

15 февраля 1963

Кстати, даже Ахматова при всем ее равнодушии к вещам восторгалась моей курткой [подарок Евгения Исааковича], ее невесомостью. Про нейлон она сказала так: «Бессмертная фанера!» Голос ее записан в большом количестве, но пленку она мне так и не отдала, говоря, что в Америке ты все равно не сможешь ее прослушать, так как она сделана на устарелой аппаратуре. Про тебя она постоянно расспрашивает, что ты пишешь, просит кланяться, всем про тебя рассказывает и т.д. Всегда выражает надежду тебя еще повидать.

Недавно по ее просьбе у меня жила неделю ее ленинградская родственница²⁹, внучка искусствоведа Пунина, который одно время был ее мужем. Милая девушка, тоже искусствоведка. И, удивительная вещь, никакого кровного родства у них нет (она дочь дочери Пунина от первой жены), а она очень похожа на Ахматову, настолько, что в Ленинграде ей иногда говорят об этом просто на улице. Бывают же такие чудеса!

22 апреля 1963

Посылаю тебе вырезку из журнала «Звезда»³⁰, где напечатано стихотворенье «Мелхола» - третье стихотворенье «Из книги Бытия».

10 июня 1963

Большой привет от Ахматовой (она опять в Москве)³¹. На днях я ей перепечатывала на машинке новые строфы к поэме³².

²⁹ У нас была однокомнатная квартира. Анна Генриховна Каминская ночевала у нас на кухне, где обычно спала я, а я временно перебралась к маме в комнату. Аня – будущий искусствовед - взяла меня с собой на выставку в Манеже «30-летие МОСХа» – ту, знаменитую, где Хрущеву указали, кого критиковать, - это тоже одно из счастливых, подаренных мне Ахматовой.

³⁰ См. письмо от 19 ноября 1962 г.

³¹ В Записных книжках Ахматовой https://imwerden.de/pdf/akhmatova_zapisnye_knizhki_1958-1966_1996.pdf на стр. 369 упоминается «4 июня - Наташа Роскина с бельгийцем». (Бельгийца звали Жан Бланкоф). В Записных книжках несколько раз упоминается «Наташа» без фамилии, в ряде случаев я уверена, что имеется в виду Н.И. Ильина, в других - не знаю, идет ли речь о моей маме, но «Наташа с дочкой» в записи на стр. 370: «Июня <5> : «Среда: Миша, Наташа с дочкой, Люба, Толя. У Виноградовых» - это точно моя мама и я.

³² Имеется в виду «Поэма без героя».

1 июля 1963

Анна Андреевна уехала в Комарово, на дачу, где мы с тобой побывали. Тебе куча приветов.

5 октября 1963

Ахматовой сейчас нет, она в Ленинграде. Думаю, что удастся - здесь или там - познакомиться с ней Сашу и Janet³³.

16 октября 1963

Что касается переводов³⁴, то к большинству из них я равнодушна просто по равнодушию к этим поэтам, но «Фауст», по-моему, просто великолепен. Я его обязательно дам прочесть Ахматовой. Кстати, сейчас выяснилось, что она будет в Москве в конце октября или начале ноября, так что я надеюсь осуществить желание Саши и Janet с ней познакомиться. Но что они привезли книжку³⁵ только ей - это страшное свинство, которое, я надеюсь, ты поправишь.

Как жаль, что «Фауста»³⁶ ты не довел до конца, его необходимо издать, по-моему, это лучше, чем Пастернак - точнее, яснее, без навязывания себя.

Надеюсь, что Ахматова и в январе будет здесь. Может быть, она будет хорошо себя чувствовать и привезем ее к нам.

30 октября 1963

Приехала Анна Андреевна и сегодня я у нее была, а завтра веду к ней молодых Рабиновичей³⁷. Она тебе посылает свой портрет и портрет своего письменного стола в Комарове, а я от себя прибавляю вырезку из «Литературной

³³ Сына и невестку Евгения Исааковича.

³⁴ Имеются в виду стихотворные переводы, выполненные Евгением Исааковичем.

³⁵ «Воздушные пути», третий выпуск, Нью-Йорк, 1963. Альманах открывался строками от редакции: «Мы печатаем два стихотворения Анны Ахматовой без ее ведома. Первое, — «Нас было четверо» появилось в «Литературной газете» от 16-го января 1962 г. под другим названием, без средней строфы и эпиграфов. Второе стихотворение [«Неведимка, двойник, пересмешник...»] печатается в первый раз». Третий выпуск альманаха почему-то нам так и не достался.

³⁶ Публикация перевода «Фауста», сделанного Евгением Исааковичем, не была осуществлена, хотя некоторые переводчики – например, В.В. Левик – перевод одобряли.

³⁷ См. письмо от 5 октября 1963 г.

газеты»³⁸. О тебе, как всегда, была куча расспросов и приветов. С радостью ждет знакомства с Сашей и заранее рада их подарку³⁹ - она уже об этом слыхала, но еще не видела. Я хочу завтра отнести ей почитать твои стихи.

9 ноября 1963

Накануне⁴⁰ мы были у Ахматовой. Janet стеснялась говорить и больше помалкивала, а Саша опять-таки очень понравился Ахматовой, и она потом звонила мне по телефону и говорила, что в нем есть что-то «умиротворяющее», как в дереве. Я спросила, похож ли Саша на отца, она сказала - нет, в отце есть что-то тревожное, а в Саше - покой. Сейчас она не очень хорошо себя чувствует и притом больна хозяйка дома⁴¹, где она живет, как только это наладится, мы снова к ней пойдем.

Единственное, что меня удивило, что и Саша и Janet совсем не знают ее стихов, поэмы вообще не читали, я видела, что она была несколько фраппирована, старуха этого не любит. Ну, ничего.

11 ноября 1963

Я думаю, что Анна Андреевна доживет до января в Москве, а может и специально для тебя задержится. Да, она очень довольна подарком⁴² и сказала, что хотя она все на свете передаривает, но это она никому не передарит.

Вчера мы говорили по телефону, она уже прочла твои стихи, хвалила, но сказала, что еще подробно поговорит. Я всё запишу для тебя.

22 ноября 1963

³⁸ В «Литературной газете» за 5 октября 1963 г. были опубликованы стихотворения Ахматовой из цикла "Полночные стихи".

³⁹ «Воздушные пути», третий выпуск, открывался стихотворением Ахматовой «Нас четверо», в котором были строки: «Слышится мне на воздушных путях Двух голосов перекличка», то есть прямо обыгрывается название альманаха.

⁴⁰ Слово «накануне» может обозначать здесь как 8 ноября (то есть перед датой написания письма), так и 2 ноября, так как перед этим абзацем в письме описывается празднование дня рождения Н.А. Роскиной - 3 ноября.

⁴¹ Больна была Н.А. Ольшевская, и Ахматовой пришлось переехать к Западным (об этом есть в Летописи жизни и творчества Анны Андреевны Ахматовой, составленной В. Черныхом).

⁴² «Воздушные пути», третий выпуск.

Побывали мы с Janet еще раз у Ахматовой - Саша в тот день не мог, у него были дела. Был еще их приятель Филд⁴³, который мне как-то не особенно понравился. Ахматова была в своем репертуаре, а именно бесконечно возмущалась тем, что про нее пишут в Америке⁴⁴. Всё ей не нравится, фактические ошибки ее приводят в ярость, и она пользуется случаем это высказать, но мне это уже сильно наскучило. Стихи твои она не отдала, сказала, что отдаст в следующий раз, только заметила, что есть много хороших, но есть и такие, которые не стоило включать. Посмотрим в следующий раз⁴⁵. Ира тоже с нами была, Анна Андреевна ее очень любит и хвалит, правда, она очень мило держится, симпатичная девочка.

12 декабря 1963

Ахматова мне твои стихи так и не вернула⁴⁶. Тебя она обещает дожидаться в Москве и хочет, чтобы мы сели втроем и поговорили вместе подробно о том, как лучше составить твою книгу.

⁴³ О знакомстве с Эндрю Филдом см. в повести Н.А. Роскиной «Оборотни» <https://www.chayka.org/node/6695>: «Эндрю Филд был в Москве «на стаже» в один год с моим двоюродным братом Сашей. По его просьбе, я привела его к Ахматовой, которой он посвятил изящное английское стихотворение. Эндрю - поэт и способный литературный критик (с его предисловием вышел один из сборников Абрама Терца). Но, к сожалению, в характере у него не было тех качеств, которые делают приемлемой жизнь иностранца в Восточной Европе. Он не был ни терпим, ни тактичен, ни вынослив в нервном отношении, он не видел никаких причин обуздывать свою вспыльчивость, так что его пребывание в советчине кончилось грубым скандалом в таможене, после чего Филд, чудом избежав нашей тюрьмы, вернулся на родину и стал во весь голос кричать о своей ненависти к нашему режиму». Позже Andrew Field написал биографию Набокова, об его отношениях с которым ходили разноречивые слухи.

⁴⁴ Мне врезалось в память (правда, речь шла не об американской прессе, а о какой-то французской заметке), и я это записала, как Анна Андреевна восклицает:

« - Боже, они пишут, что мой любимый поэт - Мандельштам!

- А кто Ваш любимый поэт? - выдавила я.

- Мандельштам, конечно.»

И.В. Бориневич-Роскина. «Воспоминания девочки» - стр. 131 в сборнике «Я всем прощение дарую...». Ахматовский сборник, под общей редакцией Д. Макфадьена и Н. И. Крайневой, Альянс-Архео, Москва-С.-Петербург, 2006, UCLA Slavic Studies. New Series, Vol. V.

Но больше всего Ахматова, естественно, не любила, когда обсуждались ее отношения с Н.С. Гумилевым.

⁴⁵ См. письмо от 20 января 1964.

⁴⁶ В Летописи (<http://ahmatova.niv.ru/ahmatova/about/chernyh-letopis-zhizni/1963.htm>): преположительно указывается, что Роскина приходила к Ахматовой 13 декабря: Декабрь <13 ?> «Пятница - обедать у Шервинск<их>, вечером - Гринберг, утром Наташа Роскина». — ЗК. С. 409. Источник: <http://ahmatova.niv.ru/ahmatova/about/chernyh-letopis-zhizni/1963.htm>. Но по этой фразе в письме создается впечатление, что Роскина была у Ахматовой ранее – накануне написания письма или за пару дней до этого. Возможно, что «пятница» относится к обеду у Шервинских, но не к упомянутому далее встречам.

14 января 1964

Ахматова уже знает, что ты не приедешь⁴⁷, и очень огорчена. Я думаю, что на днях я увидаюсь с ней специально по поводу твоих стихов и напишу тебе отдельное подробное письмо. Может быть, оно немного отвлечет тебя от грустных мыслей и забот, связанных с болезнью Ани. Ужасно, конечно, что все это настолько серьезно.

20 января 1964

Дорогой Женечка! Попылаю тебе листочки - запись разговора с Ахматовой о твоих стихах. Мы сидели рядом и листали их. Я тихонько, чтоб она не видела, фиксировала все ее реплики. Но она скоро устала и предложила мне самой отметить стихи, которые по моему мнению не стоит включать, уверяя, что у нас с ней вполне одинаковый вкус (это мнение у нее вероятно сложилось потому, что я редко с ней спорю, а всё больше поддакиваю). В разделе «Путешествия» мне кажется слабее «Я люблю города и горы»⁴⁸ оно как-то неотработано. Холодна я и к «Одиссею»⁴⁹ - длинному и скучноватому.

⁴⁷ Евгений Исаакович не смог приехать в силу семейных причин: его жена перенесла инсульт.

⁴⁸ Стихотворение не было включено в сборник.

⁴⁹

Гибель Одиссея

“fatti non foste a viver come bruti,
ma per seguir virtute e conoscenza”.
Данте, Божественная Комедия, (Ад, песнь 26-ая.)

..... По воле Одиссея
Мы дом оставили и рощи, где Цирцея,
Богиня дивная, в чём сердце столько зла,
Свои стада ужасные пасла.
Последнюю ладью, что бури пощадили,
В дорогу дальнюю мы дружно снарядили,
Чтоб быть готовыми, когда он скажет нам,
Немедля веслами ударить по волнам.
И царь сошёл, спокойный и могучий,
С копьём подобным молнии летучей;
Цирцея вслед за ним подарки без числа,
Бесценные, на берег принесла;
И долго слышал я, над веслами склоненный,
Прощальный вопль богини побежденной,
Меж тем как наш корабль уступы остроз скал

Уже, рулю послушный, огибал.
Вот ветром западным наполнилось ветрило,
И кормчий наш переложить кормила
Уже готовился, дабы в обратный путь,
В Итаку милую, корабль наш повернусь;
И каждый между нас своим мечтам внимал
И мысленно жену и сына обнимал.
Но царь поднялся вдруг, надменный, и едва ли
В разгаре боя так глаза бойцов сверкали,
Как взор его сверкнул в тот страшный час!
И тихо оглядев кругом безмолвных нас:
«О братья», он сказал, «о братья! неужели
В обличии скотов вы позабыть сумели
Завет своей единственной судьбы?
Свободные, вы стали как рабы!
Оставьте пастухам домашние забавы...
Жена и дети есть у каждого раба;
А нас зовут неведомые дали.
Еще не все на свете мы узнали,
Есть острова еще за бездною морей,
Владенья чудные неведомых царей;
Еще зовут неведомые земли».
Так он сказал. И мы, безмолвно внемля
Словам царя, спустили паруса.
Пускай слезой подернулись глаза,
Но доблесть в сердце каждого проснулась.
И вот корма к востоку повернулась,
И призрак родины уже померк вдали.
Сильнее мы на весла налегли,
Чтоб заглушить их плеск и ветра заыванье
О дальней родине напрасное мечтанье.
Стремлением к подвигу и истине горя,
За солнцем плыли мы по манию царя.

И много лет прошло в скитаньях безустанных,
Животных и людей мы много зрели странных,
Не раз от бурь мутился горизонт,
И бешено кипел под нами древний понт,
Но боги нас в скитаньях сохранили.
Все острова мы в море посетили,
Все берега мы видели кругом.
Уже сверкали кудри серебром,
Когда достигли мы пролива меж скалами,
Где Геркулес лишь побывал пред нами,
Оставив знаки, чтоб никто не смел
Из смертных перейти положенный предел.
Но царь сказал: «Друзья, уже немного
Осталось жить. В руках у парки строгой
Готова наша перерваться нить.
Тем кратким дням, что нам осталось жить,
Откажем ли в последнем наслажденье
Увидеть мир, где с дня грехопаденья
Ещё никто из смертных не бывал?
Призывно плещет океанский вал!
Оставим ночь слепцам, в постели спящим,
Спешим вперед, за солнцем уходящим,
Чтобы не жалко было умирать
Узнавшим всё, что только можно знать!»

Три месяца волна о борт ладьи плескала,
На черном небе трижды возникала
Огромная ущербная луна,
И трижды, снова полная она
Наш дерзкий бег в ночи сопровождала.
Над горизонтом оставалось мало
Моим глазам знакомых с детства звезд.
Зато невиданный никем доселе Крест
Горел на юге десятью огнями.
На сотый день, я помню, перед нами
(В тумане солнце пряталось с утра)
Крутая и высокая гора
На Южном горизонте показалась.
Она из моря прямо подымалась,
Под небеса вершиной уходя;
И мы столпились на корме, глядя,
Как из полуденной, молочно белой дали
Её крутые рёбра выступали.
Вдруг дунул ветер и вздрогнул океан;
Упав, как плащ, рассеялся туман,
И то, что в этот миг мои глаза видали,
Язык пересказать осмелится едва ли.
От самых берегов, где серая скала
Цветами и травой зеленой поросла
(Там не было песка; удары волн кропили
Зелёную траву столбом жемчужной пыли),
Вплоть до высот, которым до сих пор
Не видел разных на земле мой взор.
Пронизана лучом таинственного света,
Прозрачным пламенем гора была одета.
Как жидкое стекло, сверкая и звеня,
Сплетались языки прозрачного огня,
И тени в пламени мелькали на мгновенье;
И в дивное слагался песнопенье
С ударом волн огня хрустальный звон.
Я выше поднял взор – и замер, ослеплен.

Горя невыносимыми огнями,
Все семь небес раскрылись перед нами,
И сонмы ангелов заполнили простор.
Пылающим кольцом величественный хор
Отвсюду окружал горящее высоко
Лазурным пламенем Божественное око.
И трижды хор «Осанна» возгремел,
И содрогнулся весь земной предел;
Огромная волна из глубины восстала,
И грузная ладья как щепка задрожала.
От счастья острого, сжимающего грудь,
Никто из нас не смел пошевелинуть
Рукой или ногой, и даже царь меж нами
Стоял недвижимый, с воздетыми руками;
А ветер все крепчал, и судна острый нос
Зарылся глубоко, и к небу поднялось
Кормило тяжкое. Еще волна – и вскоре
Над нашей головой, бурля, сомкнулось море.

Из рекомендаций Анны Андреевны, конечно, самое существенное то, что она советует не печатать вместе стихи и переводы.

Теперь Дженет хочет взять твои стихи и почитать их повнимательней. [...]
Теперь я хочу и Вишу показать Ахматовой.

«О любви»⁵⁰

Да будешь ты навек благословенна.... Плохо слово «громко», лучше - больше. Последняя строка - лишние слоги.

Пусть нет конца дороге черной...⁵¹. Хорошо.

Пусть сады, деревья...⁵². Две последние строки первого четверостишия нехорошо со словом подол. В стихах другой словарный ряд, не надо «подолов».

Мы, дети...⁵³. Хорошие стихи.

⁵⁰ Название раздела книги.

⁵¹

Пусть нет конца дороге черной,
Пусть славы, смерти и беды
Бледнеют в памяти повторной
Невыносимые следы,
Но в вихре дней необычайных
Нам долго суждено беречь
Воспоминания случайных,
Непоправимо крайних встреч.

⁵²

Пусть сады, деревья голы,
Но теплый дождь стекает с крыш,
Весенний ветер рвет подолы,
И ты, далекая, простишь,

Что счастья зимнего одежды
Душе становятся тесны,
Что будит новые надежды
Дыханье новое весны,

Что сердца, полного тобою,
Другой доныне не отдав,
Уже люблю я все земное,
Собак, детей и запах трав.

⁵³

Мы дети знали слишком много
Такой пророческой тоски,
Как твоего, Кассандра, Бога

Ты меня не хочешь понять... [Видимо, это описка – должно быть: любить]⁵⁴.

Бесспорно давать.

Любовные тревоги не кляни...⁵⁵. Надо.

Любимые ученики.

Целую ласковые руки,
Я прозревал сквозь сладкий бред
Часы мучительной разлуки
И мертвой страсти дымный след.

А ныне, старше став, я знаю,
Что все не так, как ждешь придет,
И дерзкой мысли презираю
Самоуверенный полет.

И с каждым днём я всё нежнее,
Все безотчетнее люблю
Искусства легкие затеи
И душу нежную твою;

Весной напудренные рощи,
Оснеженные города,
И легкомысленней и проще
Гляжу в грядущие года.

И первобытное, земное,
Встает из пропасти времён,
И миф о Дафнисе и Хлоэ
В столице дымной воскрешен.

54

Ты меня не хочешь любить!
Ну так что ж - не хочешь, не надо.
Не весь век по тебе бы тужить;
И без милой можно прожить
В золотые дни листопада.

В золотые дни листопада
Я уйду, не зная куда;
Я один уйду, как всегда,
И ночная обнимет прохлада,
И на небе зажжется звезда.

Я далеким поверю лучам,
Снова сердце ровнее забьется;
Не из тех я, кто по ночам
В одинокой любви клянется;
Не любимым и брошенным - нам
Всех вольнее на свете живется!

55

Любовные тревоги не кляни,

Благодарю тебя, Господь...⁵⁶. Уязвимо. Злой критик может сказать, что поэт благодарит бога за то, что у него не наступила импотенция.

Как голубой прорез из туч...⁵⁷. Это хуже.

Они пройдут; уляжется волнение;
Вновь потекут размеренные дни –
Шесть будних дней, пустое воскресенье.

О смерти мысль и ревности томленье,
Как легкий дым, рассеются они;
Но друг ночей бессонных, вдохновенье,
Тогда не прилетит в ночной тени.

Старинные преданья утверждают,
Что перед смертью посещали боги
Героев раненых, влачившихся в крови;
Так ласковые музы посещают
Лишь преданных мучительной тревоге
И горькому безумию любви.

56

Благодарю тебя, Господь,
За то, что бес меня тревожит,
Что плоти жаждущую плоть
Еще ничто смирить не может;

Что я могу ещё бродить
Во мгле, осенними ночами,
И имя женское твердить
Похолодевшими губами.

Что тело с каждым днем сильней
К любовной судороге рвется;
Что до сих пор, когда моей
Руки ее рука коснется,

Я совладать еще не мог,
Ни силой воли, ни укором,
С постыдным трепетом, в котором
Прообраз творческих тревог.

57

Как голубой прорез из туч,
Как после ночи первый луч,
Как после бреда – первый сон,
Так, умилен и ослеплен,
Тебя увидел я, и сон
Стал явью вдруг, и длится он.
И над землей сверкает твердь,
И легче жизнь, и проще смерть,
И, словно в детстве, есть опять
Чего желать, о чем мечтать!

Еврейская любовь⁵⁸. Не совсем понятны строки - она, что, несет на голове плоды?

Забуду ли...⁵⁹. В третьей строке лишний слог. В химии своей, небось, все считает. Девятая строка тоже длинна. Великолепное стихотворение! Действительно в любви так бывает. Старик прав! Только пусть считает.

Был нашей встречи...⁶⁰. Хорошо.

58 Имеется в виду стихотворение «Руфь»:

Ее лицо я видел где-то,
В моём скитании земном;
В пугливых переулках гетто
Оно мелькнуло за окном.

И вот – смотри! - она явилась
В зелёном золоте садов,
И шея смуглая склонилась
Под спелой тяжестью плодов.

Сквозные зайчики играли,
На красный падая платок,
И камни теплые ласкали
Подошвы обнажённых ног.

И понял я, что нет чудесней
Ее несбыточного сна,
Что жгучим ядом Песни Песней
Её душа опалена.

59

Забуду ли широкую долину,
Веселый сад и мирный огород!
Ты на плече несла плодов корзину,
Когда тебя я встретил у ворот.

С полей со звоном стадо возвращалось.
Откинув прядь от смуглого виска,
В моей руке немного задержалась
Горячая и влажная рука.

Мы лишь на миг случайно замолчали,
И вот - не смеем разомкнуть уста!
Забыты радости дневные и печали,
И стала жизнь блаженна и проста...

60

Был нашей встречи час прощальный;
Вода шумела под мостом;
Луны осенней диск печальный

Ночная птица...⁶¹. Начало плохо. «Давно промокшая...»

Как зверя дикого боится...⁶². Четвертая строфа мне нравится, из-за нее жаль выбрасывать, а вообще слабовато.

Кто неведомый играет⁶³. Он, конечно, поэт! Но не даром он любит мои стихи, очень похоже на них. А теперь я не так пишу. Но сомневаюсь - не надо уж так густо, постель и постель в каждом стихотворении.

Качался в воздухе пустом;

И руки осени писали,
Как бы на матовом стекле,
Косые лунные скрижали
На затуманенной земле.

Деревья стыли в мертвом поле,
Последний свет погас вдали,
И руки, сжатые до боли,
Согреть друг друга не могли.

Но в теплом ветре были вести
Из той неведомой страны,
Где мы когда-то жили вместе,
Где снова встретиться должны.

⁶¹ Это стихотворение не было включено в сборник.

⁶² В сборнике опубликовано всего три строфы, стала ли четвертая строфа третьей?

Как зверя дикого, боится
Моей судьбы твоя судьба;
Мы два к различным колесницам
Судьбой прикованных раба.

Но крепче брачного союза
Та цепь, что связывает нас,
С тех пор как благостная муза
Нас повенчала в ранний час

Венком осенних прелых листьев,
В безлюдной синеве аллей,
В пустой торжественной столице
Суровых прусских королей!

Потсдам 1928

63

Кто неведомый играет
Нами, куклами, в любовь?
Руки тесно заплетает,
Зажигает в жилах кровь,
И напрасные объятья,
Расплетает вновь?

Все ближе ...⁶⁴ . Начало не по-русски.

Как странно тени...⁶⁵ . Неправильное чередование рифм режет.

Но самое плохое стихотворение - это мне⁶⁶ . Похабное какое-то, и чего только там нет. Его никак нельзя печатать.

Разложи на стол рядами
И у карт своих спроси:
Кто, незримый, был меж нами
В заколоченном Потсдаме,
В желтом парке Сан-Суси?

Где ты, смуглая подруга,
Ведь постель моя пуста,
Оторвались друг от друга
Ненасытные уста;
Между нами ночь и вьюга;
В этот край, где солнца нет,
Только ветер - ветер с юга –
Мне доносит твой привет!

64

Все ближе нашего веселого союза
Последний и неотвратимый час,
И лишь твое благословенье, муза,
Ещё надолго связывает нас.

И я хочу, чтоб люди не забыли
О нашей тёмной и простой судьбе,
Чтоб юноши мои стихи твердили
И по ночам мечтали о тебе.

И как твое языческое имя
Преданьями веков освящено,
Так освящу я песнями моими
Твоей любви горячее вино.

⁶⁵ Стихотворение не было включено в сборник.

⁶⁶ Видимо, это стихотворение не было опубликовано, а посвящение было передано другому стихотворению, которое приводится ниже, хотя слова Ахматовой к нему и не относятся. Но возможно, что я не права.

Анне Ахматовой

Я возвращаюсь нагруженный
Душистой ношей, как пчела ;
Так гость, обедом пресыщенный,
Встает от сытного стола.

Зачем и для кого, не знаю,
Но с детских лет упрямо я
В копилку памяти слагаю
Все впечатленья бытия.

Так у хозяйки домовитой
Хранится в темной кладовой,

Переболей свои потери...⁶⁷ Я бы восьмерки без перерыва печатала.

Красивее.

Всегда заботливо закрытой,
Бутылок запыленных строй.

Быть может в час, когда обманет
Моя последняя любовь,
И тяжелее в жилах станет
Струиться старческая кровь,

Средь жизни, новизной кипящей,
Один, ненужный и чужой,
Я отомкну рукой дрожащей
Замок забытой кладовой,

Чтоб без надежд и упований,
В холодной комнате моей,
Хотя б вином воспоминаний
Упитья на закате дней!

*

А может быть совсем другое
Судьбою сердцу суждено,
И будет все богатство мною
В единый миг расточено.

Так в день единственный и чудный,
Когда, смятения полна,
В дом опустелый и безлюдный
Вступает юная жена,

Гостей хозяин созывает
Под вновь гостеприимный кров,
И настежь двери раскрывает
Полузабытых погребов.

И льется в чаши нектар пенный
Из недр амфоры вековой,
И поит жажду драгоценной
Благоухающей струей.

И буйным чувствам слишком тесен
Становится счастливый дом,
И улицу заздравных песен
Веселый оглашает гром !

67

Переболей свои потери,
Ведь никому тебя не жаль!
И научись, не лицемера,
Скрывать от всех свою печаль.

Такм (?), в глубине души хранима,
Она пребудет навсегда,
И пусть - как хлопья снега – мимо

С тех пор как радости и горе...⁶⁸. Не знаю.

Пусть безмолвный и унылый...⁶⁹

А зачем ему переводов столько издавать? Пусть лучше книжечку стихов маленькую издаст.

«Современник»⁷⁰

О, современники...⁷¹. Ну, это его частное дело - так смотреть. Он ни во что не верит! [А.А. ведь верит в Бога - Н.Р.]⁷²

Летят ненужные года.

68

С тех пор как радости и горя
Я не могу с тобой делить
Дневных страстей живое море
Души не может веселить.

Но каждый вечер сердце радо
Тому мгновению, когда
Вновь зажигается лампада
Для вдохновенья и труда,

Когда на улице смолкает
Опустошительный прибой,
И снова в сердце возникает
Неизгладимый образ твой.

69

Путь безмолвный и унылый.
Нет со мной подруги милой.
Ветер, на закате дня, приласкай хоть ты меня!
Закружи порывом дымным,
Уведи в туман и даль,
Первым заморозком зимним
Приглуши мою печаль.

⁷⁰ Название раздела книги.

⁷¹ Этим стихотворением открывается книга:

О современники войны и мятежей,
Кто горьким опытом поспорить с нами может?
Чей быстрый век, жестоких полный дней,
Был беспорядочней и самовластней прожит?

Мы спим с женой, друзей зовём на пир,
Давно забыли мы недавние потери.
Мы говорим: отчизна, вольность, мир, -
Но в глубине души мы ни во что не верим.

⁷² Не могу в данном случае не возразить Ахматовой. Евгений Исаакович, хотя и не был религиозен, верил в возможность улучшения мира, в свой долг в занятиях деятельностью по улучшению мира, в свою личную ответственность и вообще перед человечеством, и перед отдельными людьми, многим из которых он

Прав анархист...⁷³. Циничные стихи. Ну ничего, для Парижа как раз! Насчет физики не нашего ума дело, а раз он пишет, видно так и есть (насчет частицы и волны).

«Бессонница белесая во мгле...»⁷⁴. Это поэт. Хорошо, правда, совсем? Но вот опять этот перебой в рифмовке. Я бы напечатала все же без строфы «От тягостного девства»⁷⁵.

оказывал разного вида помощь. Не берусь судить, насколько это было связано у него с еврейской философией, а насколько проистекало просто из его личных моральных качеств.

73

Прав анархист. В кармане кулаки
Сжимаются в неистребимом гневе:
Какого взрыва стоит этот мир,
Лежащий к смерти, как карета Плеве.

И Гете прав: как буйный ледоход
Пройдет мятеж - тем лучше, чем скорее;
Трактир отцовский Герман переймет,
Не оскудеет чрево Доротей.

Отшельник прав: лишь плоть преодолев,
Ты высшего достигнешь совершенства;
Прав Дон Жуан, который столько дев
Освободил от тягостного девства.

Любовь и злость – одна другой равна;
Закон и месть – одна обоим мера;
Как в физике частица и волна,
Так правы и безверие и вера.

Так много правд столпились на земле,
Что ни одна из них уже не мучит,
Бессонница белесая во мгле
Бесстрастию и равнодушьем учит.

За истиной, неведомой другим,
Одни глупцы гоняются упрямо;
Все истины по стенам городским
Расклеены веселою рекламой.

Но помолчи, и вслушайся, и что ж!
В разноголосице враждующих наречий
Ты музыку услышишь и поймешь,
Что в этом мире нет противоречий.

⁷⁴ См. седьмую строфу предыдущего стихотворения.

⁷⁵ См. третью строфу предыдущего стихотворения.

Но те, которые гоняли...⁷⁶. Ох, опять мужские и женские неверно. Он это знает, ну пусть делает как хочет. Бронтозавра я не видела, не могу судить. Не нравится мне это стихотворение. Оно длинное, тяжелое и мутное.

Не из тумана, не из ночи...⁷⁷. Дети слишком далеко, неясно, кому готовят отчаянье. Последняя строфа не годится, кому-то можно, а ему нельзя.

76

Не те, которые гоняли
Осатанелые полки,
А мы, что только ожидали
Сыпного тифа и чеки, -

Признаемся, что в те недели
Мы все же жили веселей,
Когда на площади звенели
Копыта кованных коней.

И трубный вой, и гром литавр
Голодный заглушали крик,
И под окном, как бронтозавр,
Стоял тяжелый броневик.

И смутное воспоминанье
Ещё тревожит нас порой.
Как за любовное свиданье
Платились пулей и торьмой;

Как в тесноте случайных тюрем,
В рассветной мгле очередей,
До дна распахивали бури
Сердца и помыслы людей.

И пусть никто, как мы, не знает,
Что значит мир и тишина,
И, как фламандская мясная,
Довольством тучная страна,

Но всех отцовских дел неверность
Вконец изведавшим сынам,
В мещанской жизни равномерность
Уж невозможно верить нам.

Тех дней жестоких отпечатка
Ничто не смоем; наши сны
Стремительного беспорядка
И дикой вольности полны.

И каждый день, бесцельно новый,
Вторгается в тревожный сон,
За пулемет принять готовый
Будильника докучный звон.

77

Не из тумана, не из ночи,
А из сверкающего дня,
Я к небу поднимаю очи
И говорю: возьми меня!

Возьми: я больше не достоин
Питаться воздухом твоим,
Одной мечтой обеспокоен,
Одним предчувствием томим.

Я все обманы замечаю,
Я всем изменам счет веду,
Я запах тленья различаю
В весеннем розовом саду.

Я твердо знаю: эти дети,
Играющие на песке,
Увидят сумерки столетья
В таком огне, в такой тоске,

Что даже мы, которых гнали
Эриннии сквозь ночь и дым,
Того отчаянья не знали,
Какое ты готовишь им.

Зачем ты соблазнил убогих
И души их ожесточил,
Чтоб разом вскидывая ноги,
Между пожарищ и могил.

Прошли, своим безумством горды,
Под блеск мечей, под треск речей,
Самоубийственные орды
Берсеркеров и палачей?

Зачем ты ослепил, о Боже,
Великих мыслью и душой,
Чтоб правды малые дороже
Им стали истины большой?

Как между схватками боксеры,
В своих глазах народы ждут,
Чтоб правд неправедные споры
Их ввергли вновь в кровавый труд;

Врозь, но как в клетке ждут мгновенья,
Когда ты дашь им к схватке знак,
Чтоб в небывалом разрушенье
Врага убил – и умер враг.

Чтоб пораженные лучами
Цветы и дети отцвели,
И вновь покрывлся лишаями
Тебе ненужный шар земли;

А ты, в немеркнущем сиянье
Среди галактики другой
Мог вновь заняться мирозданьем,

Прошли, своим безумством горды...⁷⁸. Не нравится мне это стихотворение.

И эта ночь не разорвет молчанья...⁷⁹. Хорошо.

«Одиночество»⁸⁰

Вот что надо дяде написать по поводу переводов. Я все-таки думаю, что это две совершенно разные книжечки. Есть чудные, но ведь нельзя же судить, не зная

Богов любимую игрой!

1962

⁷⁸ См. седьмую строку предыдущего стихотворения.

⁷⁹

Е.Г.

И эта ночь не разорвет молчанья.
Пусть мечутся, как жёлтая листва,
Сухие и тревожные слова,
В измученной потугами гортани;
Пускай листья метутся на дубах
Под лаской буйного Борея,
И океан лениво свирепея,
Соленой пеной стынет на губах;
Пусть ветер платье рвет с твоих колен,
Я их коснуться не посмею.
О вольность бесполезная! Вернее
Блеск фонарей и кресел мягкий плен.
Вольтеровских язвительных острот
Прочней - вольтеровские кресла;
Бессмертны - лень и мирные ремесла;
И песнь печальная мятеж переживет.
Усталый негр за стойкой кабака
Ее споёт. Пусть нынче расшумелось
Ночное море. Разоперстой Эос
Дождемся мы за рюмкой коньяка.
От мудрости не терпящей раздоров
Сумеет ли мы трусость отличить?
Где были мы, когда сошлись мечи
Для оглушительного спора?

Так тридцать лет, не властные помочь,
Мы - мудрые – томимся ожиданьем.
- Ты понял ли, каким иносказаньем
Нас подарила это ночь?

1934

⁸⁰ Раздел книги, посвященный Н. А. Бродской. Нина Александровна Бродская (1892-1972), художница и поэтесса, жившая в эмиграции в Берлине и Париже.

оригинала. Я сама переводчица - бывает все хорошо, а оказывается, там черт знает что.

И снова этот ветер морской...⁸¹. Неприятное сравнение с ящерицей.

От этой жизни...⁸². Ну что ж...

81

И снова этот ветер морской.
В прозрачном небе чайка вьётся.
Души, изъеденной тоской,
Тоска отныне не коснется.

Она огнем обожжена,
Она под снегом холодела,
И тяжело была больна,
И боль свою переболела.

Теперь она опять поет,
Хоть голос томный и незвонкий;
Надежда робкая растет,
Как хвост у ящерицы тонкой.

Затем что жить она должна,
Что ей земных наград не надо,
Ей скоро будет суждена
Одна желанная награда, -
И снова каждый день она,
Как в детстве, будет солнцу рада.

82

От этой жизни умереть не лень:
Тяжелый сон, греховные виденья,
И после позднего, глухого пробужденья
Короткий, сумеречный день.

А я любил в дни детства моего
Всё, чем земля волнует наши чувства,
Созданья легкие искусства,
И темное природы естество.

Плаксивой осени и ветреной весны
Я первое приветствовал явление,
И женщины прикосновение
Рождало радужные сны.

Разрядных трубок зыбкий свет,
Треск искр сухой меж полюсов катушки, -
Замысловатые игрушки
Так быстро убежавших лет!

Кто виноват, что к суете земной
Моя душа так быстро охладела.
«Ты выбрать не сумел ни женщины одной,
Ни одного излюбленного дела.

Пускай любовного угара...⁸³ Ну что ж...

Все проходит, все кончается...⁸⁴. Немного легковесно? Последняя строфа
слабая.

Газет внимательный читатель...⁸⁵. Хорошо.

Лишь тот, кто выбрал, может овладеть,
Лишь ненавидящий прощать имеет право;
А справедливость – праздная забава
Для дряхлых душ, уже готовых тлеть».

Но я сказал: «О Боже, защити
Меня от этого неправого навета;
Ведь это ты велел душе поэта
Все лица полюбить, все испытать пути».

83

Пускай любовного угара
Тяжеле творческий угар,
Бесплодья каменная кара
Страшнее этих детских кар.

Уйти из мира, не оставив
Ни дел, ни песен, ни детей,
Его напрасно позабавив
Ненужной суетой своей!

За что же сделал Ты, о Боже,
Что столько дней душа моя
Была как каменное ложе
Давно иссохшего ручья?

А ныне скудная неделя
Субботним днем освящена,
И снова творческого хмеля
Душа бродящая полна.

⁸⁴ Стихотворение не было включено в сборник.

85

Газет внимательный читатель,
Я наблюдатель, не творец;
Я рано бросил кисть и шпатель,
И робкий выронил резец.

В убогой сутолке трамвая,
Иль в скором поезде, в окне,
Я проношусь, запоминая
Все, что на миг явилось мне.
Запоминаю чуждой речи
Еще вчера враждебный звук,
И трепет каждой новой встречи,
Пожатье незнакомых рук.

И вот, нет слов необычайных,

Вчера рожденные... ⁸⁶.

Что-то я устала. Больше не могу. Дальше сами посмотрите, у нас с вами вкусы одинаковые.

25 января 1964

К которым слух бы не привык,
И мне понятен формул тайных
Математический язык;

И тяжким грузом нагруженный
Чужих поступков и речей,
Я прохожу – во все влюбленный,
Всем обреченный, и ничей.

Но мучит по ночам, на ложе,
Звериной ревностью дыша;
Моя пусть скудна, но все же
Неповторимая душа;

И требует, чтобы оградой
Высокой оградился я
От клумб общественного сада,
От роз чужого сентября;

Чтоб на участке запустелом,
Где солнцем выжжена трава,
Над мною выбранным уделом
Я утвердил свои права;

Чтоб я земле доверил чёрной
Любви и злобы семена;
Пускай убогого, упорно,
Бессмертья требует она!

⁸⁶ Про это стихотворение Ахматова ничего не сказала, но все-таки приведем его, раз она его назвала:

Вчера рождённые, едва из колыбели,
Мы начинаем постепенно умирать,
И тяжелеет за плечами кладь –
Груз дел, что мы исполнить не успели.

Теперь, когда к ущербу и закату
Столь явственно ведет меня судьба,
Я вспоминаю старые гроба,
Грядущую предчувствуя утрату,

И как волчок, уставший от круженья,
Ещё кружась, уже склоняюсь я
Туда, где нет сомненья и боренья,
В пустой провал глухого бытия.

Ахматова хотела даже приехать ко мне в этот вечер⁸⁷, но мне было жаль Иру, которая должна была бы за ней ехать и потерять эти драгоценные часы с Вишей. [...] Женечка целую тебя очень-очень крепко. Привет от Анны Андреевны.
10 февраля 1964 года

Мне страшно жаль, что А.А. его⁸⁸ не видела, она проявляла инициативу, много раз звонила, спрашивала, но у Виши не было времени совсем и кроме того он по-моему и не очень интересовался.

[...]

Да, Женечка, я с тобой согласна, что лучшие стихи пишутся в молодости, что касается тебя, то тут, наверно, не в возрасте дело, а в том, что ты ведь долго не писал, а это не может не сказаться. Не огорчайся. А вот Ахматова, действительно, пишет всю жизнь и все-таки сейчас хуже - хотя отдельные ее вещи и сейчас потрясающие. Я ее попрошу, чтобы она еще посмотрела «Фауста»⁸⁹ специально, раз это тебя особенно волнует. Звонила ей сегодня, но она сейчас сильно занята, просила позвонить через несколько дней.

Твоя ссылка на Маяковского по поводу сбитых размеров мне кажется неубедительной, твои стихи ведь совсем в иной, классической манере, строгие.

А.А., конечно, не предполагала, что я тебе все ее выражения перескажу, в частности слово «похабное». Я думаю, что действительно после всех описанных тобой походов Музы, когда ты пишешь об А.А. - «пленительной и опытной» - это звучит как-то двусмысленно. И, правда, очень много имен, «синтетика».

17 февраля 1964 года

[...] вчера пришло твое письмо и вчера же мы были с Ирой у Анны Андреевны - это ее именины. Я передала ей, что ты бы хотел отдельно ее мнение о «Фаусте», она обещала. вчера она читала нам вслух свои воспоминания о

⁸⁷ Видимо, это было 23 января 1964, когда у нас в гостях были Саша с Дженет и второй сын Евгения Исааковича Виша (Victor Rabinowitch).

⁸⁸ Вишу Рабиновича.

⁸⁹ То есть перевод Евгения Исааковича.

Модильяни⁹⁰, это очень занятно. У них был роман, он ее много рисовал, но уцелел только один рисунок (ты, кажется, видел его у нее в Москве)⁹¹. Она какую-то хорошую фотографию свою собирается тебе послать, но вчера не было удачного оттиска.

Ира писала школьное сочинение «Поэт в поэзии Пушкина». Начала она так: «От поэзии всегда ждешь невозможного, а Пушкин дает нам это невозможное». Эта фраза мне так понравилась, что я передала ее Анне Андреевне. Представь, она была в таком восторге, что попросила, чтобы Ира записала это ей в ее дневник своей рукой, и сказала, что возьмет эти слова эпиграфом к своим статьям о Пушкине. Ну, можешь вообразить Ирино волнение, она чуть не заплакала.⁹²

28 марта 1964

Анну Андреевну видела только один раз, она ко мне ненадолго заехала, навестила меня⁹³.

У нее есть новый прекрасный портрет, который она, кажется, собирается тебе подарить. У нее отыскался брат в Нью-Йорке, Виктор Андреевич Горенко⁹⁴.

10 июля 1964

Анну Андреевну я не видела с начала болезни⁹⁵, то есть с 16 апреля. Я не приглашала ее, так как мне было бы очень утомительно с ней, и сама к ней не поехала по той же причине. Необходимость очень громко говорить и притом не об обыденных вещах была тяжела даже для здоровой Дженет, я предлагала ей

⁹⁰ Судя по Записным книжкам Ахматовой, очерк «Амадео Модильяни» был еще в работе : 10 марта [1964]: Дописала Модильяни.Стр. 445 - https://imwerden.de/pdf/akhmatova_zapisnye_knizhki_1958-1966_1996.pdf

⁹¹ См. подробно <http://ahmatova.niv.ru/ahmatova/about/portrety-ahmatovoj.htm>

⁹² Жалко, что этот эпизод не включен на 16 февраля 1964 г. в Летопись жизни и творчества А.А. Ахматовой. Возможно, потому, что не проставлено число у мамы в мемуарах https://vtoraya-literatura.com/pdf/roskina_chetyre_glavy_1980_text.pdf.

⁹³ Точное число неизвестно.

⁹⁴ Возможно, Ахматова раньше узнала о том, что ее брат жив, но считается, что ей сообщил об этом И.Г. Эренбург – см. в Летописи запись от 1 июня 1963 г. : Письмо И. Г. Эренбурга - В. А. Горенко: «Уважаемый Виктор Андреевич, я сообщил Анне Андреевне о содержании Вашего письма <от 30. 4. 1963> , и она сказала, что в ближайшие дни напишет Вам сама. Она относительно здорова и хорошо выглядит». — ВЛ. 2002. Вып. 2. С. 282. Источник: <http://ahmatova.niv.ru/ahmatova/about/chernyh-letopis-zhizni/1963.htm>

⁹⁵ Имеется в виду болезнь Н.А. Роскиной.

поехать вместе перед отъездом, но она отказалась, ну и я одна не поехала. В день своего юбилея Анна Андреевна уехала из Москвы в Ленинград⁹⁶ и сейчас она там.

2 августа 1964

Я с нетерпением жду выхода твоего «Современника»⁹⁷ - это чудо, что он выходит, это ахматовское дитя.

Ахматова сейчас в Комарово, где мы с тобой ее навещали в 1961 году (господи, уже три года не виделись!) и сейчас ее там навещает Ира⁹⁸. [...] Ахматова - пишет Ира - ее изумительно принимала - она ее очень любит.

17 августа 1964

Ира тебе раздобыла пластинку с записью Ахматовой, она читает свои стихи⁹⁹.

29 ноября 1964

Анна Андреевна приехала в Москву, чтобы отсюда послезавтра уехать в Италию¹⁰⁰. Она бодрa и очень оптимистично настроена. В апреле или мае она надеется поехать в Англию, где ей будут присуждать степень доктора Оксфорда.

30 декабря 1964

Анна Андреевна приехала из Италии и тут же уехала в Ленинград, так что я ее не видела. Обещает приехать в январе. Была она там не одна, а со своей падчерицей¹⁰¹, искусствоведкой - дочерью одного из мужей Анны Андреевны

⁹⁶ См. запись от 23 июня 1964: А. А. приехала из Москвы в Ленинград и затем в Комарово. «Еду с Ниной. Навстречу белая ночь. Рядом в купе больной Толя». — ЗК. С. 468 Источник: <http://ahmatova.niv.ru/ahmatova/about/chernyh-letopis-zhizni/1964.htm>

⁹⁷ Сборник стихов Евгения Исааковича под псевдонимом Евгений Раич вышел в изд-ве Рифма в Париже в 1965 г.

⁹⁸ Я коротко описала эту встречу - И.В. Бориневич-Роскина. «Воспоминания девочки» - в сборнике «Я всем прощение дарю...». Ахматовский сборник, под общей редакцией Д. Макфадьена и Н. И. Крайневой, Альянс-Архео, Москва-С.-Петербург, 2006, UCLA Slavic Studies. New Series, Vol. V.

⁹⁹ Это была пластинка с записью стихотворений из цикла «Тайны ремесла», выпущенная в 1962 г.

¹⁰⁰ Ахматова уехала в Италию 1 декабря 1964 г.

¹⁰¹ См. воспоминания об этой поездке Ирины Николаевны Пуниной – Звезда, 1989, №6

Николая Николаевича Пунина, имя которого ты, наверно, знаешь, он был очень известный историк искусства. Ей разрешили сопровождать А.А.

21 января 1965

Анна Андреевна пока в Москву не приехала и сидит в Комарово; общие знакомые рассказывали мне, что она Италию бранит. Во-первых, у нее там произошла неприятность, одна «желтая» журналистка, получив у нее интервью, написала в какой-то газете черт знает что: Ахматова-де приняла ее в халате, который 60 лет пролежал в нафталине, что ногти у нее покрыты каким-то немодным лаком, что она старая, толстая и прочее¹⁰². Мы настолько отвыкли от подобных волеизъявлений «свободной» печати, что ее это сильно травмировало - при ее чувствительности к тому, что о ней пишут! Кроме того она заявила, что итальянцы

- 1) похожи на грузин внешне;
- 2) рассуждают - с помощью мимики и жестикологии - о том, чего не знают;
- 3) равнодушны к поэзии;

Кажется, большое впечатление на нее произвел Колизей, она сказала, что до сих пор камни пахнут кровью.

Но вообще все это разговоры уже со вторых рук, так что может быть лично мне она рассказала бы все совсем иначе.

14 февраля 1965

Читал ли ты «Реквием» Ахматовой? Я забыла, может быть, я тебя уже спрашивала об этом. Мне, пожалуй, все-таки не особенно, хотя трудно объяснить

¹⁰² В «Летописи жизни и творчества А.А. Ахматовой» упоминается: «Воспоминания К. Риччо: «Во время пребывания Ахматовой в Италии у нее взяли интервью <...> писательница Джанна Мандзини и журналистка Аделе Камбриа. Во время интервью Камбриа я был у Ахматовой и переводил вопросы и ответы. Помню, что Камбриа задавала ей неуместные вопросы и как Ахматова сказала про нее «змейка». О другом, еще гораздо худшем, так называемом «интервью» Курции Феррари лучше было бы совсем не говорить, если бы оно не стало из-за своего невежества поразительным примером выдуманного и фальшивого интервью, которое ни в коем случае Ахматова давать не могла». — Крымский сборник. Вып. 9. Симферополь, 2011. С. 22-23» <http://ahmatova.niv.ru/ahmatova/about/chernyh-letopis-zhizni/1964.htm>

почему. Некоторые места очень сильно, но в целом чего-то не хватает, быть может, слишком поздно мы это прочли.

23 марта 1965

«Портрет бюста» Ахматовой привез тебе Саша: он без надписи потому что его подарила не Анна Андреевна, а скульптор¹⁰³, который его лепил, - попросить надпись у него мы не сообразили, да тебя, верно, его автограф и не интересует. Пластинку я пошлю тебе с Верой Ефрон¹⁰⁴.

30 мая 1965

Вчера я была с Иррой у Анны Андреевны и попросила ее надписать тебе вчера же вышедшую «Литературную газету» с ее переводами¹⁰⁵. Надеюсь, что письмо дойдет, - ты знаешь, что она не очень-то охотно дает автографы, и я была страшно рада, что могу тебе доставить это удовольствие. На днях она едет в Англию, где ей будут надевать оксфордскую мантию. Если ты захочешь ее поздравить или вообще передать ей свой привет, то наверно это можно сделать на адрес ун-та, - где она будет жить неизвестно. Она в чудесном настроении, спокойна и величественна. Ее сопровождает Анечка, внучка Н.Н. Пунина и ее воспитанница¹⁰⁶.

10 июня 1965

Получил ли ты мое письмо с автографом Ахматовой?

¹⁰³ В записных книжках Ахматовой упоминается, что Илья Львович Слоним (1906—1973) лепил ее в ноябре 1965 г. Дочь скульптора, журналистка Маша Слоним, рассказывает в одном из интервью: «Она позировала папе в мастерской на Масловке, а к нам домой приходила в гости, всегда царственно и величава. У меня с ее приходами были связаны неприятности. У нас была собака — такса по кличке Месье Трике. Это был страшный шантажист, он чувствовал, когда что-то важное происходит в доме, и начинал лаять низким грубым голосом. Чтобы его утихомирить, приходилось задабривать сахаром. Анна Андреевна сидела за столом и читала только написанные “Полночные стихи”, а Тришка в это время сидел на диване столбиком, и я из сахарницы закладывала ему в пасть рафинад, и не дай бог было промедлить: пес открывал рот с выражением “сейчас залаю!”» <https://www.mk.ru/social/2011/05/16/589351-isproved-sovetskoj-printsessyi.html>

¹⁰⁴ Давняя приятельница Евгения Исааковича Вера Ефрон — дочь одного из издателей энциклопедии, сменив в эмиграции много профессий, стала психиатром, специалистом по алкоголизму, и в этом качестве приезжала из Америки для встреч с советскими наркологами.

¹⁰⁵ 29 мая в «Литературной газете» были опубликованы переводы Ахматовой «Из древнеегипетских папирусов».

¹⁰⁶ Анна Генриховна Каминская. См. также письмо от 15 февраля 1963 г.

14 июля 1965

Я проворонила Анну Андреевну и она, вернувшись из-за границы, очень недолго была в Москве, и продефилировала в Комарово. Конечно, если бы она получила твои книжки¹⁰⁷, то обязательно позвонила бы мне. Теперь остается надеяться, что ей перешлют их по почте из Оксфорда.

30 июля 1965

Сегодня узнала, что Анна Андреевна не приехала в Москву, а укатила из Лондона во Францию¹⁰⁸. Как я рада за нее! После всего пережитого сделать такое турне – Италия, Англия, Франция – и всюду венчаться лаврами - это чудо.

2 августа 1965

Странно, что Анна Андреевна не позвонила мне, если у нее была твоя книжка. Но, может быть, пыталась и не дозвонилась. Была она в Москве очень недолго.

16 августа 1965

Одна моя знакомая сейчас едет в Ленинград, пойдет к А.А. и выяснит историю с книжкой; писем А.А. не любит, а позвонить ей некуда, в Комарово у нее нет телефона.

19 августа 1965

Получил ли ты мое письмецо со стихами А.А.? и - правда хорошей? - статьей? Из тех стихов, что там напечатаны, для меня нет новых, но приятно, что

¹⁰⁷ Речь идет об экземплярах сборника стихов Евгения Исааковича «Современник», которые он послал в Оксфорд на имя Ахматовой для нее и для моей мамы.

¹⁰⁸ См. Летопись за 18-20 июня 1965 г.

это ее выбор¹⁰⁹. Я очень люблю стихотворение «Летний сонет»¹¹⁰: «Здесь все меня переживет...». Пронзительное.

4-5 сентября 1965

...у меня еще такая радость: вчера получила твою книжку¹¹¹, посланную из Вермонта, а сегодня позвонила мне моя приятельница из Ленинграда, которая на днях привезет мне экземпляр с надписью, полученный через А.А. Издание очень изящно, бумага и шрифт очень приятные.

17 сентября 1965

Стихотворения я тебе не послала, вспомнив, что посылать неопубликованное¹¹² не полагается и ограничилась вырезкой из Ахматовой.

23 октября 1965

У Ахматовой вышла книга «Бег времени»: она мне подарила, иначе я ее не достала бы ни за какие деньги в Москве, как и Пастернака. У нее еще никогда не выходило такой толстой книги. Она говорит: «Я прокляла эту книгу, а всё, что я проклинаяю - цветет». Сделала мне трогательную надпись : «Милой Наташе на память о многом»¹¹³. Я, конечно, тут же попросила экземпляр для тебя, но, представь себе, у нее было настолько мало их, что она очень просит тебя извинить ее и говорит, что пошлет тебе сборник своих переводов, которые скоро должны выйти. Мне было очень обидно, но что поделаешь? У тебя, действительно, есть возможность купить ее книгу, а у москвичей этой возможности нет. Тираж 50.000

¹⁰⁹ Видимо, имеется в виду подборка стихов Ахматовой в журнале «Юность» (1965, №7) со вступительной статьей К.И. Чуковского.

¹¹⁰ Другое название этого стихотворения «Приморский сонет».

¹¹¹ Сборник стихов – Евгений Раич «Современник». Париж : Рифма, 1965.

¹¹² Видимо, имелось в виду стихотворение И. Бродского.

¹¹³ В Летописи отмечено, что это было 10 октября 1965 г. : Дарственная надпись на кн.: «Бег времени»: «Милой Наташе Роскиной на память о многом». — Б-ка РГАЛИ. Инв. № 21316-а <http://ahmatova.niv.ru/ahmatova/about/chernyh-letopis-zhizni/1965.htm> Но далее повторяется Декабрь 10: Дарственная надпись на кн. «Бег времени»: «Милой Наташе Роскиной на память о многом. Анна Ахматова». — Восп. С. 541. Видимо, моя мама сделала ошибку, написав в своих воспоминаниях: «На последней подаренной ею книге - надпись: "Милой Наташе Роскиной на память о многом. Анна Ахматова. 10 декабря 1965 года. Москва". Правильно: 10 октября.

как сквозь землю проваливается. Интересно, кстати, какой тираж твоей книги? А.А. привезла мне экземпляр с надписью, и я хочу чистый экземпляр отвезти Лиде¹¹⁴. Хотя она мало понимает в стихах и любит Долматовского¹¹⁵, все же ей будет очень приятно.

[...]

В книге Анны Андреевны много стихов, которых я раньше не читала. Кстати, если ты ее купишь и пришлешь мне, я тебе верну ее с автографом. А.А., правда, просила меня тебе этого не советовать, говоря, что ей это неловко.

17 ноября 1965

А тут еще грустная новость: у Анны Андреевны инфаркт. Она лежит в Боткинской больнице. Сведения разноречивые, кто говорит легкий инфаркт, даже микро, кто говорит - тяжелый. Трудно понять, что на самом деле и кто говорит правду; скорее всего сам инфаркт не тяжелый, но из-за ее возраста и тучности положение в целом усложняется. Пока кажется, что угрозы для жизни прямой нет.

Ужасно грустно - так хорошо жизнь у нее последнее время шла, удалось ей побывать в Европе, принимали ее всюду триумфально, вышла толстая книжка - впервые в жизни, приглашали ее и опять в Париж. И вот сердце сдало.

23 ноября 1965

Пятидесятитысячный тираж Ахматовой - это капля в море, в каком-то закрытом распределителе его давали академикам, а уж членам-корреспондентам не досталось. Кстати, ее здоровье несколько лучше, через несколько дней мне обещали разрешить ее навестить.

¹¹⁴ Имеется в виду тетка моей мамы Лидия Давыдовна Гринберг (урожд. Рабинович; 1905-1971), кузина Евгения Исааковича, в молодости с ним дружившая и до 1930-х гг. с ним переписывавшаяся. Когда Евгений Исаакович в 1961 г. был в Ленинграде, Лидия Давыдовна побоялась с ним встретиться, так как оба ее сына были инженерами и встреча с иностранцем могла повредить их карьере. До конца жизни она жалела об этой не встрече. Важно еще то, что, хотя тетя Лида в стихах не понимала, Ахматову она знала и с другой стороны - мама пишет в своих воспоминаниях об Ахматовой: «Моя тетка, мамина сестра, была замужем за техническим директором Ленинградского металлического завода М. И. Гринбергом, его фамилия приходилась на ту же букву, что и Гумилев, и в 1938 году тетя частенько встречала Ахматову в многочасовых очередях, описанных в "Реквиеме".» https://vtoraya-literatura.com/pdf/roskina_chetyre_glavy_1980_text.pdf

¹¹⁵ Автор слов многих известных советских песен.

8 января 1966

У Анны Андреевны я была на днях, провела у нее два часа в больнице. Ей лучше, молодец она, выкарабкалась. А инфаркт был тяжелый - пробита задняя стенка сердца, она сутки провела без сознания. Сейчас уже выходит в коридор и принимает гостей. Потеряла 10 кг весу, чем весьма горда. Говорит, что наборщики в типографии отказались рассыпать набор ее книги, требуя переиздания, и что вероятно оно состоится.

[...]

Новое наше издание Заболоцкого великолепно¹¹⁶. В него вошли его поэмы, которые не публиковались. Не знаю, вошли ли они в американское издание¹¹⁷. Кстати, Ахматова его видела и говорит, что оно по почте не дойдет из-за предисловия и примечаний¹¹⁸.

Мне очень приятно почему-то, что ты знал Маслова¹¹⁹. Я его люблю и когда-то даже написала посвященное ему стихотворение. Я и вдову его знала (теперь уж она умерла)¹²⁰ - нас Анна Андреевна познакомила. И что ты видел Мандельштама, ты мне не рассказывал.

18 января 1966

Афины - моя мечта. Отчасти - в очень слабой степени - я удовлетворила ее три года назад, побывав в Херсонесе, под Севастополем - на родине Анны Андреевны.

¹¹⁶ Стихотворения и поэмы / предисл. А. М. Туркова.- М.; Л.: Современный писатель (ленинградское отд-ние), 1965 г. — Содерж.: Слово о полку Игореве; Стихотворения; Столбцы; Поэмы; Стихи, не включенные в основной сборник.

¹¹⁷ В американское издание вошли все поэмы. Заболоцкий Н. А. Стихотворения / Под общ. ред. Г. П. Струве и Б. А. Филиппова; вступ. статья А. Раннита, Б. Филиппова, и Э. Райса. New York, 1965.

¹¹⁸ Речь идет об американском издании.

¹¹⁹ Георгий Владимирович Маслов (1895–1920) — поэт и литературовед, пушкинист, автор поэмы «Аврора».

¹²⁰ Вдовой Георгия Маслова была Елена Михайловна Тагер (1895–1964), автор стихов, прозы и мемуаров, большую часть взрослой жизни проведшая по лагерям и ссылкам.

9 февраля 1966

Анна Андреевна одно время чувствовала себя хуже, и к ней даже перестали пускать посетителей. Сколько ей еще придется бывать в больнице - неизвестно. Сейчас как будто дело налаживается.

5 марта 1966

Женечка дорогой, ты уже, конечно, знаешь из газет о нашем общем горе, кончине нашей дорогой Анны Андреевны. Представь, и я узнала об этом из газеты. Днем звонили друзья, но было что-то с телефоном - московские телефоны сейчас отвратительно работают - не могли дозвониться, а вечером я раскрыла «Известия» и зарыдала - Ира кинулась с криком: «Что? Что?» - я показала ей газету, и она тоже разрыдалась страшно, в ее жизни это первое такое горе - смерть. Ничего еще толком и не знаем, произошло это в ночь на сегодня в санатории, куда ее, бедную, перевезли из Боткинской больницы. Она жаловалась на плохое самочувствие, но врачи решили, что ничего страшного и повезли ее (40 км от Москвы); а ночью она скончалась от жесточайшего инфаркта.

Думаю сквозь слезы, что судьба подарила ей радость перед смертью, выход книги, коронацию в Оксфорде, путешествие во Францию и в Италию... Но не могу вообразить, что ее нет. Знала я, что это горе мне предстоит, но никак не предполагала, что скоро, ведь я ее навещала в больнице, и ясность ее мысли, ее интерес ко всему, внушал веру в ее долголетие. Безумно горько...

Не помню, писала ли я тебе, что я ей сказала, что хочу купить тебе ее книгу здешнюю у спекулянта - за 12-кратную стоимость - и чтоб тебе послать с ее автографом, а она мне сказала: «Да подождите Вы, скоро будет новое издание, купите за 6-кратную цену!» И это была наша последняя встреча! В голову мне не приходило, что я ее больше не увижу. Принесла я ей в больницу вишневого сока - она меня благодарила - оказалось это ее любимый. Гиацинтов стоял у нее огромный букет - забыла от кого. Боже, как грустно и как пусто.

Сегодня с утра почему-то мне все было не по себе, я места себе не находила. Не пошла в библиотеку - решила буду письма писать. Написала Дженет длинное

письмо, и теперь мне дико, что она получит от меня письмо, помеченное сегодняшним числом, написанное, оказывается, уже когда Анны Андреевны не было в живых...

Про похороны еще ничего не знаю - наверно, в Москве, на Новодевичьем, вероятно послезавтра.

А сегодня, между прочим, день смерти Сталина, но этого не вспоминают, вспоминают композитора С. Прокофьева, который умер со Сталиным в один день и играет его музыка, которую Анна Андреевна так любила.

И твоя, и моя, Ирина жизнь укладывались в ее жизнь, и вот нет этого, чего-то, что нас всех обнимало. Ушло что-то огромное, стоящее высоко над землей.

Целую тебя крепко, крепко. Сердце болит, тоска страшная. Боже, сколько людей сегодня это чувствует! Ведь ее многие любили именно лично, за доброту - и еще многое, что даже и не перечислить.

8 марта 1966

Дорогой Женечка, на днях написала тебе о смерти Анны Андреевны. Успокоиться трудно. Как стало известно, похороны будут происходить в Ленинграде, в Комарово, где мы с тобой у нее были, а прошлым летом у нее там бывала Ира - послезавтра автобусы Союза писателей будут поданы к больнице, где происходило вскрытие, и гроб будет увезен на аэродром; в Ленинграде будет и панихида. Надо было бы мне, конечно, поехать в Ленинград, но боюсь, что не смогу этого осуществить, нет ни денег, ни сил, все же это для меня большое и тяжелое предприятие - сама поездка, даже если б она была без такого печального повода.

Всех ее смерть как-то всколыхнула. Очень многим кажется, что мир без нее пустеет.

25 марта 1966

Дорогой Женечка, получила твое письмо от 8 марта, из которого вижу, что ты еще не знал о смерти Анны Андреевны, последовавшей 5 марта. Значит ни из

газет ни по радио до тебя эта весть не донеслась. А я была уверена, что если не ты, то кто-нибудь из твоих близких прочтет. Вероятно все же Ваши газеты откликнулись на это событие. Я сама читала некролог в “Humanite”, где, впрочем, все было перевернуто.

Говорят, что в Ленинграде похороны были потрясающие. Мне рассказывало несколько человек. Море народное в полном смысле слова.

Теперь я перечитала «Реквием», и он произвел на меня более сильное впечатление, чем в первый раз. Ира весь переписала от руки.

Грустно нам очень и всю жизнь будет ее не хватать. Тысячи людей горюют о ней, так же, как и мы.

23 апреля 1966

Анна Андреевна относилась к Вознесенскому без всякого интереса (а Маяковского она любила, даже стихи ему посвятила¹²¹). Из молодежи ее всерьез занимал только Иосиф Бродский. Впрочем, это еще ничего не доказывает, она ведь не была беспристрастна ни в чем. [...] Анна Андреевна называла их [*Вознесенского и Евушенко – И.Р.*] «эстрадниками».

26 мая 1966

[*В ответ на вопрос Евгения Исааковича – И.Р.*]

Мужья Анны Андреевны после Н.Г.:

- 1) В. Шилейко - востоковед
- 2) Н.В. Недоброво, литератор
- 3) Н.Н. Пунин, искусствовед
- 4) В.Г. Гаршин, профессор невропатолог

Она сама очень поощряла тему «Образ Ахматовой в творчестве Гумилева» на эту тему писала одна английская студентка¹²². Это, видно, был для нее самый серьезный роман. Последний был трагический - Гаршин (племянник писателя)

¹²¹ Стихотворение 1940 года «Маяковский в 1913 году»: «Я тебя в твоей не знала славе...».

¹²² Имеется в виду английская исследовательница творчества А. А. Ахматовой Аманда Хейт (Amanda Haight, 1941-1989).

выписал ее из Ташкента, где ей хорошо жилось (в эвакуации) в еще голодный Ленинград и странным образом бросил. Она была очень травмирована. Ходили слухи, что когда умерла жена у Маршака, он будто бы делал предложение А.А., но я не очень этим слухам верю. Им уж было под семьдесят обоим.

Напиши, что еще ты хочешь узнать про А.А.

5 июля 1966

О романе Ахматовой и Гумилева¹²³ я могу тебе сказать, что он был очень длинным, а брак – очень коротким. Она мне говорила, что фактически он прекратился сразу после рождения сына. Кто такой – «мальчик веселый»¹²⁴, не знаю. Почти ничего не знаю и о Глебовой-Судейкиной¹²⁵. Сейчас нет в Москве одной моей знакомой¹²⁶, с которой я собираюсь тебя познакомить – она очень много знает про А.А. и про Мандельштама. Написала и воспоминания - пока не показывает, но надеюсь, что все же покажет. Поэтому твои вопросы пока без ответа.

А.А. рассказывала мне, что один раз она была в Крыму, а Гумилев поехал туда с ней повидаться (они еще не были женаты). Увидел ее в саду, она сидела с книгой. Страшно взволновался, не решился открыть калитку, повернулся и уехал в Петербург. Поступок поэта¹²⁷.

¹²³ Видимо, Евгений Исаакович уже обдумывал работу над своим англоязычным эссе "Love of Two Poets," о любви Ахматовой и Гумилева, в которое он включил отрывки из их стихов со своим параллельным переводом на английский язык. Экземпляр этого эссе хранится в РГАЛИ в фонде Н.А. Роскиной (фонд Ф. 3120). Насколько я помню, Евгений Исаакович считал преувеличенной в жизни Ахматовой роль Б. Анрепа, о которой ему рассказывал Глеб Струве – см. http://russianway.rhga.ru/upload/main/045_Struve.pdf

¹²⁴ Из стихотворения Ахматовой 1913 года «Высокие своды костела // Синей, чем небесная твердь... // Прости меня, мальчик веселый, // Что я принесла тебе смерть...». Высказывалось мнение, что это стихотворение посвящено памяти молодого офицера Михаила Линдеберга, застрелившегося 23 декабря 1911 года, но более убедительной кажется версия о том, что стихотворение обращено к Всеволоду Князеву – одному из героев «Поэмы без героя», покончившему с собой в 1913 г. – см. <https://arzamas.academy/materials/988>

¹²⁵ Сейчас об О.А. Глебовой-Судейкиной много написано – см. статью о ней в Википедии, содержащую перечень литературы о ней.

¹²⁶ Речь идет о литературоведе Эмме Григорьевне Герштейн (1903-2002).

¹²⁷ В маминых воспоминаниях эта история рассказана подробнее: «Страх оказаться рядом с ней мелким сковывал самых близких ей людей. Она это понимала и часто страдала от этого. Когда у нее был роман с Гумилевым (он длился много лет, значительно дольше, чем их брак), она уехала в Крым. Гумилев поехал туда, чтобы с ней увидеться. Он приехал к даче, подошел к забору и заглянул в сад: она сидела в белом платье на скамье и читала книгу. Гумилев постоял, не решился окликнуть ее и уехал в Петербург. Она рассказывала мне это с горечью, но и с гордостью, ибо именно такую была в ее представлении истинная любовь поэта». https://vtoraya-literatura.com/pdf/roskina_chetyre_glavy_1980_text.pdf

Как мне больно вспоминать о ней. Как я ее любила. У меня в жизни очень мало таких любимых людей. Ты среди них.

29 октября 1971

Насчет того, что письма Пушкина якобы готовились к печати в 1920 году - это ошибка. Я присутствовала на большом научном заседании, специально посвященном этому вопросу. А насчет того, что Пушкин любил «ее душу»¹²⁸, мне кажется, что это была иллюзия влюбленного мужчины. Она была очень неинтересна, хотя может быть по-своему мила и «проста». Но ведь кто же скажет, что любит внешность, а не душу! Анна Андреевна всегда ужасно ругала ее. Татьяна Григорьевна Цявловская¹²⁹ тоже ужасно ее не любит.

¹²⁸ То есть «душу» Натальи Николаевны Пушкиной.

¹²⁹ Татьяна Григорьевна Цявловская (1897-1978), литературовед, специалист по творчеству А.С. Пушкина.